

МИЛЛЕР П. Н. — в МПКК

МИЛЛЕР Петр Николаевич, родился 28 ноября 1867 в Саратове. В 1888 — окончил Александровское военное училище. Служил поручиком в царской армии. С 1901 — главный экспедитор газеты "Русское слово". В 1905 — за участие в почтово-телеграфном союзе приговорен к 2 годам заключения и отправлен в Петропавловскую крепость. С октября 1917 — сотрудник Комитета почт и телеграфов, затем — Наркомпроса. Хранитель музея Старой Москвы. 26 августа 1920 — арестован и заключен во внутреннюю тюрьму МЧК. В конце августа 1920 — по просьбе МПКК заполнил "Опросный лист".

<30 августа 1920>

1. Фамилия, имя, отчество	Миллер Петр Николаевич
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам., лагерь, ЧК и т.д.)	МЧК, тюрем<ная> п<алат>а, к<амера> 1
3. Возраст, национальность, подданство	52 года, русский <...>
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	грамотен, Александровское военное училище
8. Профессия	музеевед <...>
10. Чем занимался до февральской революции	заведовал экспедицией газ<еты> "Русское слово" <...>
12. Чем занимался перед арестом	хранитель музея Старой Москвы (Наркомпроса), секретарь Комиссии по изуч<ению> Старой Москвы Арх<еологического> об<щества>, член бюро по организации Музея Союза народной связи и пр<очее>
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда, в чем обвинялся, чем окончились те дела	За участие в почт<овом>-тел<еграфном> Союзе в 1905 и 1906 г<одах> обвинялся по ст<атье> 125 УК. Военным судом в Москве присужден к 2 годам заключ<ения> в крепости, каковое отбыл в 4 ч<аса> утра 26 августа с<его> г<ода>
17. Когда арестован по настоящему делу	
18. Где арестован	на квартире <...>

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Производивший обыск агент, найдя на письм<енном> столе несколько открыток, изданных М. И. Белавенцем, представляющих памфлет на события 1917/1918 г<одов>, заявил, что он их-то и ищет, только их и взял с собой для приложения к делу.

Припоминаю, что в конце 1917 и начале 1918 года ко мне в служебный кабинет (почто-директора) явился неизвестный мне гражданин и предложил целую пачку открытых писем. От принятия пачки я отказался, и он, оставив одну или две на столе, ушел. Придя на квартиру, я узнал, что какой-то гражданин оставил для меня сверток. Развернув сверток, я по карикатурам убедился, что это те же открытки, принять которые я отказался в кабинете. Все справки и розыски издателя для возвращения ему пачки не привели ни к чему. Разбирая вещи после вторичного переезда после почт-директорской квартиры я обнаружил пачку открыток и выложил на стол, чтобы при первой или случайной встрече (если бы таковая случилась) возвратить их тому, кто их мне оставил. Ни одной из открыток, оставленных у меня в пачке, я никому не давал и не предлагал, считая их чужой собственностью, от принятия которой я отказался.

Подпись:

Петр Н. Миллер»¹.

8 сентября 1920 — Петр Николаевич Миллер был приговорен к заключению в концлагерь на 6 месяцев². 17 сентября по ходатайству МПКС был освобожден. Работал в Музейном отделе Моссовета, с 1924 по 1926 — научный сотрудник Коммунального музея и экскурсовод-лектор Академии Коммунистического воспитания. Заведовал секцией "Старая Москва" и Обществом изучения памятников Подмосковья. С 1930 — проживал в Ясной Поляне. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Пермь. В 1933 — освобожден из ссылки, вернулся в Москву. В октябре 1935 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В марте 1935 — обратился в Наркомат внутренних дел.

<9 ноября 1935>

«В Народный Комиссариат Внутренних Дел

7-го октября 1935 года мне предъявлены следователем НКВД тов<арищем> Гавриловым обвинения по 58-13 и 58-10 ст<атьям> Уг<оловного> Код<екса> РСФСР, обвинения, которые я не могу признать, и я должен себя реабилитировать, так как я не считаю себя виновным ни в контрреволюции, ни в саботаже советской власти, ни в антисоветских высказываниях среди знакомых.

Мои контрреволюционные действия, по мнению следователя, заключаются в том, что я: 1) будучи чиновником царской службы в 1895-1903 г<одах>, служил в цензуре иностранных газет и журналов и занимался перлюстрацией; 2) в 1903-1905 г<одах>, будучи экспедитором (нач<альником> отделения) Гор<одской> почты Московского почтамта, продолжал свою преступную и предательскую деятельность, выражавшуюся в выдаче разной корреспонденции по требованию властей, представлении при рапортах поч<товому> директору (моему непосредственному начальнику) прокламаций, вынимавшихся из почтовых ящиков и т<ому> п<одобное>.

Из цензуры я вышел по собственной инициативе, осознав противоречия между моими склонностями и симпатиями, с одной стороны, и теми занятиями, которые я выполнял в цензуре, с другой. Я тяготился этими занятиями и искал выхода. Во время моей службы в цензуре я стал встречаться и общаться со студентами. Один из них снимал у меня комнату, к нему приходили товарищи и между ними ныне покойный историк Михаил Николаевич Покровский. Я им носил запрещенную заграничную литературу ("Искру", "Освобождение" и др<угие>), способствовал без цензурному получению разных книг и проч<ее>. В эти же годы моей царской службы я стал собирать цензурные запрещенные вырезки из иностранных газет и журналов, которые впоследствии передал (уже после революции 1905 г<ода>) в Румянцевскую библиотеку, ныне Всесоюзную библиотеку им<ени> Ленина в Москве.

Подобный поступок — выход из цензуры в те времена почитается совершенно невыносимым, так как мог повлечь за собой подозрение и преследования, и мне удалось все-таки уйти, благодаря хорошим отношениям с семьей поч<тowego> директора.

Желая как-нибудь скрасить сущность моих занятий в цензуре, я считал, что этими преступлениями против службы, нарушениями ее

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 215. С. 1. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

незыблемых канонов — снабжением запрещенной литературой и т<ому> п<одобное>, я как бы оправдывал себя перед собой.

Вступил я в цензуру, не зная в точности о всех ее функциях, 40 лет назад, когда рабочий класс только что нарождался. Этот мой поступок — разрыв с цензурой, я считал гордостью моей жизни.

Для подтверждения моих указаний о литературе, книгах и вырезках, прошу допросить живущих в Москве Алексея Карповича Дживелегова (Москва, ул<ица> Белинского, 5) и историка Ивана Ивановича Шитц (Москва, Мал<ая> Дмитровка, д<ом> 22).

Вышел я из цензуры в 1903 г<оду>, т<о> е<сть> 32 года тому назад, т<о> е<сть> тогда, когда даже движение 1905 г<ода> еще намечалось, и революционные идеи еще очень слабо проникали в массу, среди которых я жил и работал.

Мой переход из цензуры в экспедиторы почтамта не давал мне никаких выгод.

Никаких сношений ни с охранкой, ни с жандармерией, ни с полицией я не имел ни по службе, ни лично за всю мою жизнь. Во всем я сносился только с поч<товым> директором или со старшим цензором.

Представление при рапортах поч<товому> директору находимых в почтовых ящиках — паспортов, денег, прокламаций и т<ому> п<одобное>, составляли одну из обязанностей экспедитора. Мною представлялась для отвода глаз начальства только незначительная часть прокламаций, по несколько штук, тогда как прокламации сотнями ходили по экспедиции, по рукам, посылались в мешках в отделения с корреспонденцией и в др<угие> экспедиции, разносились по домам. Я представлял по начальству только те прокламации, которые приносились ко мне моими помощниками, лично же я ни у кого прокламаций не отбирал и нигде сам их не искал, никого не ловил, ни на кого за это не доносил, и никто через меня за это не пострадал.

Вспоминаю случай, когда один из почтальонов, раскладчик почты, изловил другого с пачкой прокламаций, которые тот собирался сунуть в мешок с корреспонденцией. Почтальона я не задержал, и он не понес никакого взыскания. Этот факт может удостоверить быв<ий> почтальон Капитон Флегонтович Волков (Москва, 1-й Троицкий пер<еулок>, д<ом> 1/6).

О порядке представления прокламаций и проч<ее> при рапортах прошу допросить быв почтальона экспедиции Виктора Ефремовича Муравьева (Одинцово Б<рянско->Б<елорусской> ж<елезной> д<ороги> Коммунистическая ул<ица>, д<ом> 32), который занимался в канцелярии экспедиции. В. Е. Муравьев в то время был в партии большевиков, вел большую работу среди почтальонов, организовал среди них кружок, составлял и печатал прокламации к почтово-телеграфным служащим, причем, это печатание производилось в экспедиции за шкафом, где печатались разные бланки для экспедиции, и я об этом знал и этому не препятствовал. Прокламации печатал почтальон Василий Иванович Хохлов (Москва, Н<ижняя> Божедомка, Достоевский пер<еулов>, 12). Ни Хохлов, ни Муравьев через меня не пострадали.

Муравьев же может лучше всего подтвердить, каков было мое отношение к кружковцам, в прокламациям, вообще, к тому движению среди служащих, которое стало наблюдаться в почтамте вслед за 9 января 1905 г<ода> и после подачи петиции в феврале 1905 г<ода>.

Подать петицию товарищи поручили мне, это большой знак доверия тогда еще очень темной массы и тоже подтверждает, как я себя вел в экспедиции. Это могут подтвердить многие товарищи, например, участник муравьевского кружка почтальонов Бердоносов Петр Алексеевич (Москва, Уланский пер<еулок>, д<ом> 21), почтальон Козырев Иван Семенович

(Москва, Орловский пер<еулок>, д<ом> 15), почтальон Паршин Павел Алексеевич (Кривоколенный пер<еулок>, д<ом> 14), партиец, почтальон Большаков Михаил Михайлович (Москва Рождественский бул<ьвар>, д<ом> 19), партиец, и друг<ие>.

Мое отношение к прокламациям, к наличию кружка, к участию в нем чиновников и почтальонов составляют нарушение действовавших законов, по которым они рассматривались бы как государственные преступления. Я шел на это, и для меня интересы появившегося тогда революционного движения были выше, чем мои собственные. Здесь я впервые стал вплотную сблизиться с почтово-телеграфной массой, которая не лишала меня своего доверия до последних дней, так как я с ней всегда на протяжении этих 30-ти лет так или иначе был связан.

В октябре 1905 года товарищи выбрали меня председателем Московского комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза. Мое вступление в союз сильно повлияло на массовое вступление в союз почтальонов. Опубликование в газетах объявления за моей и И. Руднева подписями об устройстве митинга почтово-телеграфных служащих 22 октября 1905 г<ода> в Домниковском училище повлияло на сомневавшихся, и помещение училища было переполнено. Эти поступки тоже свидетельствуют о моем бесповоротном приближении к почтово-телеграфной массе. Я был единственным из экспедиторов (начальников), вступившим в движение и не отступившим от него до конца.

14/27 ноября 1905 года я был избран товарищами делегатом на I-й делегатский съезд Всероссийского почтово-телеграфного союза, а съездом избран членом центрального бюро союза. До выхода на поруки из тюрьмы в 1906 году я вновь вступил в уже нелегальное центральное бюро союза, был командирован на нелегальный профсоюзный съезд в Финляндию, печатал в разных газетах "Летопись", "Последняя вечерняя почта" и др<угие> разоблачающие статьи и только вторичный арест осенью 1906 года парализовал мою революционную работу. После вторичного выхода из тюрьмы в 1907 г<оду> я не переставал печатать разоблачения в разных отраслях жизни — почтовой, музейной и др<угих>.

Выгоды во всем моем поведении <с> 1905 г<ода> по 1917 г<од> я не преследовал. Арест, судебный процесс, приговор, 3-летнее сидение в тюрьме, увольнение, случайная работа, скитание семьи по квартирам, все это не говорит о каких-то выгодах. При увольнении в 1905 году я получил "волчий билет" — отметку, что я уволен по 788 ст<атье>.

Все мое поведение с 1905 по 1917 г<од> в эпоху злейшей реакции говорит за то, что я остался на стороне революции, и в тот период, когда от нее многие отступили, когда верность революционной идеи влекла за собой новые испытания, подвергала новым опасностям. Я остался верен революции и где можно и в чем только можно способствовал ее развитию.

Благодаря постоянным перерывам из-за ареста и сидения в тюрьмах мне пришлось заниматься и ночным секретарем в разных газетах, в том числе и в октябристском "Голосе Москвы" и счетоводом в часовой фирме и репортером в газетах и т<ому> п<одобное>.

Хотя пункт о саботаже (58-14) не приведен в объявлении следователя тов<арища> Гаврилова от 7 октября, но обвинение мне было предъявлено. Об этом саботаже было напечатано в почтово-телеграфном журнале 1918 года. Неосновательность обвинения выяснилась путем переписки с быв<шим> московским комиссаром почт и телеграфов В. Н. Подбельским в словесном с ним объяснении. В то время я был московским почт<овым> директором, избранным на этот пост моими товарищами по почтамту в первые дни февральской революции 1917 г<ода>. Товарищи, пришедшие объявить мне волю служащих московского почтамта, заявили мне, что это делается в ответ на те отношения, которые

у нас существовали до 1905 г<ода> и в вознаграждение меня за те лишения, которые я понес, участвуя вместе с ними в революционном и профессиональном движении.

С момента взятия власти Советами я прекратил свою партийную деятельность, вышел из партии народных социалистов, в которую записался в марте 1917 г<ода> и с присущей мне энергией с первого же дня стал выполнять все распоряжения советской власти. Первой крупной ответственной работой было налаживание транспорта и борьба с почтово-телеграфной разрухой. На созванном Комиссариатом почт и телеграфов зимой 1918 г<ода> съезде почт<овых> директоров и нач<альников> округов в Ленинграде, я был избран председателем съезда, провел его и способствовал своим руководством к принятию важных постановлений по изжитию почтово-телеграфной разрухи, восстановления обмена почт, урегулированию транспортных затруднений и урегулированию вопроса зарплат.

После введения коллегиального управления в московском почтамте я с июня 1918 г<ода> был переведен в распоряжение Народного Комиссариата почт и телеграфов (в Москве), где работал 2 года. Там мне было поручено: 1) произвести всестороннюю ревизию почтово-телеграфных и телефонных учреждений Калужской губ<ернии> и г<орода> Калуги; 2) участвовать в комиссии при Комиссариате для пересмотра постановлений по почтовой части; 3) участвовать в комиссии при Комиссариате по внедрению метрической системы. Был ее председателем, участвовал представителем от Комиссариата в междуведомственной комиссии; 4) участвовать от Комиссариата почт и телеграфов экспертом по почтовой части в Российской мирной делегации, тов<арищем> председателем которой был тов<арищ> Мануильский, в Киеве для установления почтовых отношений с Украиной и для отвоза туда двух пультмановских почтовых вагонов; 5) кроме того, вследствие моего предложения, мне была поручена организация Музея союза связи, первого профессионального музея в РСФСР, которым я и заведовал до 1922 года.

В 1920 г<оде> я был членом Музейного отдела Моссовета. Об этом прошу допросить архитектора ВЦИК Николая Дмитриевича Виноградова (Москва, Гранатный пер<еулок>, 11).

После Комиссариата почт и телеграфов я стал работать в Нарком<ате> прос<вещения>, где был назначен членом штатно-контрольной комиссии при Комиссариате, причем назначение было сделано тов<арищем> комиссара по просвещению М. Н. Покровским, которого я в бытность его студентом снабжал нелегальной литературой. Затем был назначен завед<ующим> музеем старой Москвы, каковым и был до 1929 г<ода>, когда имущество музея было влито в Гос<ударственный> Исторический музей. Об этой поре моей работы прошу допросить Засл<уженного> деят<еля> искусств Игоря Эммануиловича Грабаря (Москва, Кудринский пер<еулок>, 5); архитектора Илью Евграфовича Бондаренко (Москва, ул<ица> Володарского, 14), оба работали в Глав<ном> музее; искусствоведа, художника Николая Михайловича Щекотова (Москва, Красная пл<ощадь>, здание Гос<ударственного> Исторического музея), как директора Исторического музея. Знают мою работу Сергей Иванович Мицкевич (Москва, 1-й Зачатьевский пер<еулок>, 13), б<ывший> директор Музея революции; скульптор Сергей Дмитриевич Меркулов (Москва, Измайлово, Гл<авный> проспект, 22), академик архитектуры А. В. Щусев (Москва, Брюсов пер<еулок>, 17), пушкинист, профессор Мстислав Александрович Цявлевский (Москва, Н<ижний> Конюшенный, 13) и мн<огие> др<угие>.

В начале 20-х годов я был заведующим почтовой экспедиции газеты "Известия ЦИК".

В течение 3-х лет, <в> 1924-1926 г<одах> я был научн<ым> сотрудником Московского Коммунального музея.

В 1924 г<оду> я был председателем комиссии по переименованию улиц при Отделе благоустройства Московского коммунального хозяйства. Около того же времени я был экскурсоводом и лектором на экскурсиях при Академии коммунистического воспитания.

Все указанные поручения говорят за то, что я пользовался доверием руководителей учреждений, а самое выполнение поручений показывает, что я все время работал в интересах советской власти.

С моей стороны саботажа не было. Мне не могли бы, да еще в период военного коммунизма так много и так долго доверять ответственные работы.

Наконец, об антисоветских высказываниях. Следовательно не предъявил мне ни одного конкретного обвинения. За такие поступки я подлежал бы ответственности не только теперь, но и всегда. Моя работа да и жизнь проходила на виду у всех, меня очень многие знают, я вел большую общественную работу и, если бы я вел себя антисоветски, это давно бы было замечено, и я был бы изобличен.

С 1918 по 1923 г<од> я состоял ученым секретарем комиссии "Старая Москва", а с 1923 по 1929 г<од> ее председателем. "Старая Москва" была реорганизована, а не закрыта как другие подобные общества, так как я вел ее по-советски, соблюдая советские интересы науки, а не отвлеченные. На заседаниях "Старой Москвы", <в> ее комиссиях я заставлял посетителей наравне со сведениями по старой Москве воспринимать сведения и о новой Москве и ее социалистическом переустройстве.

С 1922 по 1930 г<од> я был председателем ревизионной комиссии Общества Друзей книги.

В Московском областном и городском бюро краеведения я работал с его основания, с 1925 г<ода>. Был заместителем председателя Общества Изучения Московской губернии и председателем нескольких его комиссий.

С 1929 г<ода> был членом метод<ического> бюро Московского областного музея.

С 1929 г<ода>, года учреждения артели "Трудовая связь имени 1905 г<ода>" был учредителем и председателем ревизионной комиссии. Артель объединяла б<ывших> почтово-телеграфных служащих, активных участников революции 1905 года.

С сентября 1931 года непрерывно в течение 4-х лет был членом мест<ого> ком<итета>а "Все<союзного> ко<омитета> художника" и казначеем, и т<ому> п<одобное>.

В эти же советские годы постоянно участвовал статьями и заметками в разных сборниках и изданиях; вот, напр<имер>, "Пятый год" — сборник 2-й Истпарт под редакцией С. Черномордика, изд<ательство> "Московский рабочий", 1925 г<од>. Моя статья "1905 г<од> на московской почте"; "Декабрь 1905 года на Пресне", изд<ательство> Юбилейного комитета и Истпарта Красно-Пресненского района. М<осква>, 1930. Моя статья "Почтовики на Пресне" <в> № 7-8 за 1934 г<од> журнала "Борьба классов", <там же> помещена моя статья "Сухарева башня".

В предисловии от составителя к справочнику-путеводителю "По революционной Москве", изд<ательства> МКХ, М<осква>, 1926 г<од>, <на> стр<анице> 16 напечатано: "Особенно признательными составители чувствуют себя по отношению к П. Н. Миллеру, который не раз помогал участникам своими указаниями и справками" и мн<огих> др<угих> в разных изданиях.

С 1932 года я состоял бригадиром комитета научного содействия ударного строительства московского метрополитена. Получил благодарность и грамоту. Наконец, в 1935 г<ода> я был привлечен лично Лазарем Моисеевичем Кагановичем для срочного выполнения в бригаде работы по составлению исторического очерка Москвы. Если бы я за эти долгие годы позволил себе какие-то антисоветские разговоры, разве это могло бы пройти для меня безнаказанно.

Никогда, нигде, ни с кем я антисоветских разговоров не вел. Все 13 лет советской власти я проработал честно и безупречно. Я в своей работе принес, не говоря уже об общественной, прямую, явную и реальную пользу Советскому государству. Мое прошлое было полезно для революции, и я сейчас тоже работаю для революции, для строительства социализма в стране советов. Я хочу и могу работать и прошу дать мне возможность продолжить работать.

Мой служебный стаж по найму 47 лет, мой профсоюзный стаж 30 лет.

Мне 68 лет, жене моей 77 лет, мы доживаем последние годы и хотим дожить их не опозоренными несправедливыми и незаслуженными обвинениями.

<подпись> П. Миллер.

9 ноября 1935 г<ода>.
г<ород> Москва³.

(Москва 61, Коптевский пер<еулок>, д<ом> 8, кв. 3. Петр Николаевич Миллер)»⁴.

28 декабря 1936 — Петр Николаевич Миллер был отправлен в ссылку. В 1939 — освобожден и вернулся в Москву, работал ученым секретарем в Комитете истории Москвы при Институте Истории Академии наук СССР. 23 января 1943 — скончался.

---

³ Ниже в скобках написано от руки. — Прим. сост.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 1506. С. 159-160. Машинопись, подпись — автограф.